

Фундамент из... песка

Нелюбовь к учению плодит толпы люмпенов

Александр ВОЛКОВ

Фрагменты статьи печатались в журнале «Знание-сила»

«Вот вы, человек образованный, такой институт закончили, а вам даже простое задание нельзя поручить. Вас ничто не интересует — ни лаборатория, ни испытания на полигоне, ни график работ», — в очередной раз сказал начлаб.

Да, образованный... Школа, институт, НИИ — словно прототип персонажей Маканина. Сколько ещё моих «двойников» выслушивали этот упрёк, не умея распорядиться своими способностями и знаниями! Казалось, школа сделала всё, чтобы помешать их успеху в жизни.

В советское время газеты не раз спорили о том, что происходит со школьными отличниками. Почему они так часто терпят неудачи в жизни? Увы, учёба в школе обычно напоминает поездку на автомобиле в час пик: проехав несколько метров, водитель останавливается. Так и здесь: прослушав новую тему несколько минут, отличник останавливается и всё остальное время наблюдает, как повторяют, разбирают, пережевывают совершенно понятные вещи. Он изнывает от скуки, он ленится, напрягаясь на пять-десять процентов, не более. Всё и так даётся ему без труда...

Позднее, во взрослой жизни, эта привычная расслабленность очень мешала. Многим так и не удалось избавиться от неё, проводя вечера, а то и дни, в окружении пива, водки, приятелей, обо всём рассуждая, философствуя и... не делая ничего. Жизнь кончалась нелепо, как жизнь «певчего дрозда» из фильма Отара Иоселиани. Человек талантливый, но лишённый упорства, трудолюбия, напоминает дом, в фундаменте которого вместо цемента лежит песок. Дом обречён был бесславно рухнуть, да и страна вместе с ним.

После скучной школьной муштры я в течение ряда лет страдал из-за своеобразного рефлекса: выслушивая чей-то пространственный монолог, — например, лектора или начальства в НИИ, — я моментально отключался. Ещё в школе я отвык от того, что мне могут сказать что-то важное, значимое для жизни, и общался лишь с книгой, но не с учителем. Учитель — зеркало, перед которым прихорашивается ученик. Мои зеркала всякий раз тускнели на глазах. Вся их энергия уходила на то, чтобы научить ещё одного двоечника учиться на тройку с минусом. Это не вина их, а беда. От них требовалось подгонять отстающих, а не вести за собой передовых. И не вина двоечника: ему эти формулы, теоремы просто не осилить, он это понимал. Но не понимала школа.

Наше нынешнее общество можно всячески ругать, но нельзя не признать, что в нём легче добиться успеха людям энергичным, трудолюбивым, настойчивым, знающим. А ведь наша школа как раз стремится всеми способами подавить эти качества.

Не все могут учиться на одном и том же уровне. Будущее, на мой взгляд, принадлежит исключительно школам «с уклоном»: математическим, гуманитарным, биологическим, компьютерным. Все остальные предметы, не входящие в основной курс, должны преподаваться лишь в той мере, в какой это поможет ребятам ориентироваться в жизни.

Наши школьные программы задались целью выучить любого школьника «для всего». Он и математику с физикой должен знать, как будущий абитуриент МЭИ или МГТУ; он обязан знать назубок основные вехи колониальной политики Британской империи; ему предстоит из года в год заучивать биологическую статистику, неся по школьной жизни, как тяжкий крест, «особенности семейства крестоцветных»...

Так и просится на язык фраза: это — не школьный курс, это нечто неподъёмное. Представьте себе, что вы зашли в поликлинику и старательный врач начал пичкать вас десятками таблеток: «Вот на всякий случай от гриппа, вот — от воспаления лёгких; возьмите это от мигрени, а это — от астмы, а это... А давайте мы у вас что-нибудь удалим в порядке профилактики!» Да разве можно лечиться сразу «от всего»? **А учиться сразу всему и для всего**

можно? Но самое главное — нужно ли? Да ещё подменяя обучение «загрузкой памяти» маленького ПК (в данном случае: ПятиКлассника) всевозможных дат, цифр, формул и справок — всего того, что в наши дни может преспокойно храниться в памяти большого ПК (персонального компьютера)! Следуя той же логике, можно обязать людей подниматься по лестницам даже высотных зданий пешком, а не пользоваться лифтом. А что? «Полезно тренировать ноги!» А полезно ли таким способом тренировать память?

Преподавание в школе неизменно «проваливается» в одну и ту же разбитую колею: от школьников требуют запоминать, вспоминать, хотя память и ум — далеко не одно и то же. Проще всего превратить каждого ученика в «многоуважаемый шкаф», в памяти которого, как на полках и в ящичках, разложены правила, теоремы, хронологические таблицы, географические данные. И вообще отрывочные сведения из разных отраслей знания, словно все мы играем в дурацкую телеигру. Разложены, но совершенно неинтересны ему, поэтому теряются, забываются. Они ему не нужны — все эти сведения многих предметов, он их не любил.

Поллюбить же можно что-то, никуда не спеша, не мчась «галопом по школьному курсу», — отдельные события в истории (например, плавание Магеллана, о котором, забыв про уроки и телевизор, я читал весь вечер в старой книжке «стэцвейга какого-то», а потом рассказывал в школе про «бунт на корабле» и битвы в Индии, еще интереснее, чем в кино). Можно полюбить, не засоряя голову всякими датами биографии и «художественным миром писателя», случайно открывшуюся страницу книги; её «проходят» в школе, но это совсем не то: «Город наш существует уже двести лет, в нём сто тысяч жителей и ни одного, который не был бы похож на других, ни одного подвижника ни в прошлом, ни в настоящем, ни одного учёного, ни одного художника...»

Можно полюбить отдельные страны, отдельных животных или решение каких-то математических задач и уравнений. И тогда от искорки любви возгорится интерес. Тогда накопленные и сохранённые знания, бесполезно лежавшие, как хлам в кладовке, вдруг выстроятся в живой настоящий мир, в котором недавний школьник, может быть, проживёт всю жизнь.

А не проснётся этот интерес — знания так и останутся мёртвым хламом у него под ногами; он станет с досадой их отшвыривать и с гордостью говорить: «а бабки всё равно есть».

Так нелюбовь учиться плодит толпу люмпенов, не умеющих работать, думать, нести ответственность, готовых лишь хапать да разрушать, ненавидя всех, кто не похож на них.

На школьных уроках не лучше ли остановиться, осмотреться и обсудить ситуацию, чем механически и бесплодно продолжать сыпать вопросами: «В каком году...?», «Назовите формулу», «Перечислите три основных признака...» Перечислить три основных признака семейства кошачьих — может, кому-то это нужно. А если школьник, словно невпопад, вспомнит: «Мурзик сегодня подошёл ко мне утром, посмотрел мне в глаза и мяукнул. Он мне, наверное, сказал: «Здравствуй!» Но попробуй сказать об этом на уроке. Что ответит учитель? Скорее всего: «Не болтай всякие глупости! Не знаешь темы? Садись, двойка!»

Школьную программу давно надо разгрузить. Уже сейчас, по признанию министра образования В. Филиппова, «по нашим нормативам получается, что для освоения программы ребёнок должен заниматься 167 часов в неделю. Но в неделе всего 168 астрономических часов. И что мы можем требовать от детей при такой нагрузке?»

Как следовало бы изменить систему обучения? Повторю прежде всего вопрос: для чего? **Для чего каждому школьнику знать всё?** Не заставляют же его на уроке физкультуры сдавать нормативы на уровне кандидата в мастера спорта по шахматам, боксу и прыжкам в высоту одновременно? Почему же ему обязательно надо знать к концу школы все предметы на уровне студента первого курса мехмата, филфака и биофака МГУ одновременно? Да и нужно ли столько студентов сейчас? Зачем они? Чтобы появлялось всё больше и больше manager'ов? Кем они будут управлять, в конце концов? Пенсионерами или эмигрантами из Молдовы?

Ведущие страны Европы потому и сохраняют ведущее положение в мировой экономике, что у них давно отлажена «сортировка» школьников по их врождённым способностям.

Обширный поток учеников-сверстников, приближаясь к последним классам школы, ветвится, как русло полноводной реки. Разнообразные Fachschulen, средние специальные учебные заведения (беру для примера более знакомую мне Германию) поглощают тысячи школьников, которым неинтересно учить, что такое принцип неопределённости Гейзенберга или о чём писал Рильке в своих «Die Sonette an Orpheus». **Вместо скуки, а то и мучения за партой большинство школьников выбирают рабочие профессии.** Так, в недавнем прошлом из 200 000 выпускников десятилетки лишь 20 процентов намеревались поступать в вуз, а для этого еще два года учились in einer erweiterten Oberschule, в расширенной старшей школе, пока их сверстники кропотливо осваивали профессию. В шестнадцать лет они начинали полнокровно жить, а не репетировали жизнь, не играли в неё с такой «ориентацией»: «Ещё пару лет я посижу в классе, хоть мне совсем неинтересна учёба; потом перекантуюсь до армии; потом отслужу; тогда чем-нибудь займусь: может быть, брат устроит на хорошую работу или знакомые ребята что-нибудь найдут... Тогда и сориентируюсь по бабкам. А сейчас просто отдохну!» **Так лениво-безответственно и благодушно проходит у большинства подростков и молодых людей репетиция жизни.** Обширный поток школьников (многие из них искренне не понимают, для чего они закончили все до последнего классы школы) разбивается о выросшую впереди бетонную стену. Река жизни оделась в гранит науки. Лишь небольшой ток выпускников мчится по резко суженному руслу — в высшую школу. Остальных выбрасывает на берег неизвестности. **Ещё несколько лет «поиграв» в жизнь, где-то подрабатывая, где-то служа, где-то перекантываясь, они окончательно теряют представление о том, что же им нужно в жизни, кроме хороших и лёгких «бабок»...**

А следом за ними мчится такой же поток «лишних» молодых людей, с невероятными усилиями закончивших все классы полной средней школы...

Как же возрождать страну, как выводить её на уровень мировой державы, если работать у нас берутся в основном люди, всему учившиеся наобум, невпопад, впопыхах, между делом, от скуки? Как нас учат, как мы учимся — так мы работаем, так и живём.

Всё у нас давным-давно делается вкривь и вкось, спустя рукава, на авось. А тут и конкуренция подоспела: потоки молодых людей из Украины, Молдовы, Средней Азии, готовых за всё братья, но способных зачастую лишь обещать да убедительно маскировать халтуру. Если подумать, к чему может привести такое отношение к «трудовой деятельности», то ответ, пожалуй, будет таков: впредь на наши заводы, всюду, где требуется квалифицированный труд, придётся выписывать из-за границы китайцев или корейцев.

В советское время у нас ещё действовало некое, хоть и искажённое подобие сортировки школьников. Правда, большинство их стремилось поступить в институт — лишь бы не работать! — и добивалось этого. Меньшая часть шла в ПТУ, причём попадали туда самые неразвитые — такие, кто ни станок с ЧПУ освоить не мог, ни «руками золотыми» похвалиться.

Так до каких же пор школа будет плодить «лишних людей», люмпенов? Многие уже понимают, что большая часть учеников, не хватающих звёзд с неба и ограниченных в своих способностях, должна осваивать азы какой-либо профессии. Из оставшихся в школе, тех, кто хочет и может продолжить учёбу, надо заново формировать классы: одни — с углублённым изучением точных наук; другие — гуманитарных. Это потребует серьёзного пересмотра содержания образования. **Но только дифференциация, отказ от обучения всех всему поможет вырастить в школе и хорошего рабочего, и элиту.** Тогда отличники не будут скучать на уроках, а слабые ребята испытывать непосильные перегрузки. В свою очередь, их сверстники, перешедшие в технические училища, станут главной опорой общества, его становым хребтом. Часто слышу такие возражения: вы что же, хотите сделать нашу молодёжь неучами? Нет, не хочу!

Будущие гуманитарии и биологи должны глубоко изучать компьютерные технологии, без чего они будут чувствовать себя ущербными, безграмотными. Математики должны получить весьма полное представление о генетике и истории, поскольку эти науки останутся в центре внимания общества; или о географии, ибо XXI век станет временем постоянных командировок, деловых контактов и просто путешествий. А вот сведения о ботанике и зоологии буду-

щим математикам нужны самые поверхностные. Жить им придётся в основном в урбанистическом мире, где о природе напоминают кошки, собаки, вороны да тополиный пух ранним летом. Все эти «отделы хвощевидных» или «надотряды килегрудых», к сожалению, уходят в прошлое, становясь для современного человека чем-то вроде античных мифов. Что же касается давних споров «лириков» и «физиков», то будущим физикам и математикам важно знать прежде всего литературную иерархию. Им надо знать, что существует не только скучная, однообразная Маринина, но и Андрей Битов, и Фазиль Искандер, и Людмила Петрушевская. Не только Чандлер, но и Фолкнер. Не только Сименон, но и Пруст, Мориак, Камю. Преподавая литературу будущим математикам, надо, во-первых, пробудить интерес к чтению, а во-вторых, «с математической точностью» выстроить ряд предпочтительных авторов, то есть, выпуская школьников в жизнь, дать в дорогу «опись» нужных им книг — опись, которой они, вполне возможно, воспользуются и которая поможет им обрести информационный иммунитет, неприятие пошлости.

Очень нужны школе уроки практической и правовой грамотности, на которых ребят учили бы пользоваться окружающей их техникой — от мобильного телефона до автомобиля, знать правила первой помощи при различных травмах, юридически грамотно поступать в самых разных ситуациях — от обращения в суд до покупки квартиры.

Итак, у образования должно быть несколько уровней.

Это — система иерархических каст. Пресловутые школьные двойки и пятёрки — это добрые дела, за которые в спокойном, не знающем потрясений обществе одни дети имеют все шансы пополнить ряды «брахманов», а другие, перед которыми вот-вот закроются двери школы и никогда не откроются двери института, обречены всю жизнь чувствовать себя «шудрами».

Образование — это прихотливое выращивание элиты .

Пока система образования работает без перебоев, пока одарённые дети из нижних слоёв общества могут пополнять ряды правящей элиты, а дети, не обладающие столь яркими способностями, отправляются растить хлеб, добывать уголь, плавить сталь, защищать рубежи Родины, — до тех пор в обществе не происходит потрясений. Такая система, несмотря на всю жёсткость отбора по способностям, сплачивает страну. Генеалогические древа многих людей, оставивших свой след в истории, коренятся — одно, два, несколько поколений назад — в ремесле и в труде на земле.

Как только система выдвижения разночинцев нарушается — быть беде! Неуспокоенный ум найдёт, как отомстить за многолетние унижения. Для биографий «пламенных революционеров» характерны юношеские жестокие, часто несправедливые изломы. Лишённые возможности делать карьеру, чувствуя в себе избыток сил и талантов, они готовы были померяться силой со всем обществом. **Поэтому образование должно быть одинаково доступно всем детям во всех частях страны.** Цель школы — выявлять способности, всячески помогать детям найти свой путь, к какому бы имущественному цензу ни относились их родители. А в идеале — переводить одарённых детей из любых уголков страны в её крупнейшие научные и культурные центры.

В современной школе две опасности подстерегают любого способного школьника по мере взросления — апатия и бунт. Пока талантам открыт путь в элиту, они не превратятся в безликую массу лишних людей и не станут «порохом будущих революций». Любые революции и перевороты — это признак «застоя крови» в государственном организме и потому лечиться приходится кровопусканием.

В этой связи положение в России тревожно. С одной стороны, мы имеем несколько процветающих городов и прежде всего Москву, где достаточно высоко ценятся знания и талант. Москва — один из самых энергетичных, деятельных городов современной западной цивилизации. Здесь нельзя не быть образованным. Широкое применение электронных технологий создало свой удивительный мирок. Чтобы добиться успеха или хотя бы ориентиро-

ваться в нём, нужны эрудиция, хорошее знание компьютера, иностранных языков, умение моментально обрабатывать обширные потоки информации, поступающей через газеты, радио, телевидение, Интернет, умение хорошо калькулировать и просчитывать, определённый экономический кругозор и даже знание некоторых культовых кинофильмов, музыкальных и литературных произведений, а также основных персонажей политического бомонда, шоу-бизнеса, спорта.

Похоже, Интернет и СМИ станут учителями ближайшего будущего. С одной стороны, мы всё сильнее засоряемся якобы «знаниями». Имена Шеллинга, Фихте или Николая Кузанского всё чаще становятся звуком, в ответ на который в душах людей не рождается никакого отклика. Прошлая культура продолжает исчезать на наших глазах, словно испепелённая лучами ТВ. Достоевский в метро? Это смешно. Чтение Пушкина? Нелепо. Тем подробнее — из газет и телевидения — мы узнаём о новом «разумном и вечном»: о творчестве Бритни Спирс, планах «Блестящих» или семейной жизни Дэвида Духовны. Жуть, как это нас обогащает... С другой стороны, Интернет крайне облегчает доступ к информации, и человек, замыслив побег из современности, одним ударом по клавишам вызовет нужный текст, чтобы прочитать сказанное ещё в 1440 году: «Всё, чего мы желаем познать, есть наше незнание. Если мы сможем достичь этого в полноте, то достигнем знающего незнания».

Между тем обширные регионы России заняты совсем другим — проблемами выживания. Множество молодых людей, лишённых возможности получить достойное образование и применить его на пользу себе и обществу, вынуждены от скуки и безысходности травить себя наркотиками, ввязываться в криминальные авантюры или контрактниками участвовать в военных конфликтах, становиться пушечно-долларовым мясом. В случае каких-либо длительных беспорядков в стране именно эти люди, талантливые, но не нашедшие себе места даже в местной элите, вполне могут превратиться в «лесных командиров», контролирующих обширные районы дальневосточной или сибирской тайги и целые города.

Пока образование не станет помогать человеку — каждому! — добиваться успеха в жизни, он будет отвоёвывать себе место под солнцем локтями и автоматом. **И горе стране, где система образования устроена бессмысленно! Такая страна сама лишает себя будущего.**

Минул первый год XXI века. Новый век вырастает из сетевой — интернетовской — паутины, как из кокона. Культурная карта мира стремительно меняется. У нас на глазах совершается новое международное разделение труда. Страна, опоздавшая с информационной революцией, заведомо исключается из списка счастливых соискателей наград. Теперь она напоминает дюжего верзилу, который, не умея читать и писать, безуспешно обивает двери офисов в поисках самой грязной работы. Такой стране остаётся лишь уповать на скудное подаяние да на фамильные ценности (читай: богатство недр), которые можно какое-то время распродавать, пока весь дом с прилегающими к нему недрами, шахтами, рудниками не будет безжалостно вычеркнут из списка самостоятельных хозяйств и передан новому, более сметливому владельцу...

Без хорошей школы, без образования — нет будущего ни человеку, ни стране.

Страна должна быть образованной — чем не национальная идея? Почему бы не начать жить под этим девизом? Или ещё лучше: «Страна должна быть здоровой, образованной, трудовой». Хочется верить, что на этой национальной идее вырастет новое поколение россиян, которое только потом, по прошествии лет, поймёт, что догнало и перегнало Америку, — причём без надрыва, без плача о русской «избе, Интернетом уничтоженной». Любые достижения осознаются лишь задним числом. В начале — настойчивый, напряжённый, часто неблагодарный труд по воспитанию подрастающего поколения, труд порой монотонный, скучный, как работа любого двигателя. Зато потом машина, в чреве которой прятался этот упорно и бесперебойно работавший двигатель, внезапно вырывается вперед, обгоняя любых соперников. А страна, в недрах которой вызрела эта идея — «страна должна быть здоровой, образованной, трудовой», — вырывается в лидеры мировой цивилизации.

Мы не уникальны со своими образовательными и экономическими проблемами. Тем

интереснее посмотреть, как их решают, например... нет, не в США или Германии, а... в Индии. После долгих лет застоя она переживает экономический подъём. Выходящий в Бомбее журнал «Busyness World» объявил новое столетие «веком Индии»: «Мы не могли приспособиться к промышленности старого типа; у нас не было развитой инфраструктуры. Однако на наших глазах совершилась революция в технике — такая же эпохальная, как изобретение колеса. Теперь у Индии есть все шансы стать мировым лидером: с появлением Интернета в цене не столько уголь и сталь, сколько ум и образованность».

Побывав в марте прошлого года в южноиндийском городе Хайдарабад, Билл Клинтон восторженно отозвался об уровне развития компьютерных технологий в Индии, а также о первоклассной подготовке специалистов. Лучшие университеты Индии входят сейчас в элиту мирового образования. Знаменитую «Силиконовую долину» в США вполне можно переименовать в «Долину слонов»: около 750 действующих здесь компьютерных фирм возглавляют выходцы из Индии. Темпы роста индийской компьютерной индустрии составляют около 50 процентов в год. Правда, сама эта отрасль производит пока всего полтора процента валового национального продукта. Однако на её долю уже сейчас приходится около 10 процентов экспортной выручки, а через восемь лет, по прогнозам экспертов, эта величина превысит 30 процентов. Разработки индийских программистов приносят стране ощутимый доход.

Россия, как и Индия, переживает сейчас трудные времена. Прежние системы ведения хозяйства в наших странах оказались неэффективными. К новым условиям приспособилась небольшая часть населения. В России «быстрые деньги» приносили приватизация, распродажа нефти и газа, игорный и водочный бизнес, финансовые пирамиды. В Индии баснословные прибыли получают прежде всего программисты, умеющие создать продукт на уровне мировых стандартов. Поэтому у здешних «олигархов» иной склад мышления. «Индийские предприниматели должны стать образцом для всего населения страны. Они обязаны вести скромную жизнь, — говорит один из самых богатых людей Индии Азим Премджи, глава компьютерной фирмы «Wipro Corporation». — Только тогда индийский капитализм может быть принят обществом как подлинная модель развития после неудачных социалистических экспериментов. Сегодня мы, люди, добившиеся успеха, обязаны вернуть долг стране». Премджи создал фонд, который финансирует создание сотен школ в самых глухих уголках Индии. Такое внимание к образованию — не единичный случай.

Преодолеть вопиющие контрасты и построить устойчивое гражданское общество можно лишь, опираясь на уверенных в себе образованных умелых людей, готовых добросовестно и со знанием дела выполнять порученную им работу — любую, к которой у них лежит душа и которую они умеют делать.

Так чем Индия не пример для нас — для нашей школы и образования в целом? **Стоит отказаться от «валовой» подготовки школьников, от обучения всех всему и ничему глубоко, как и у нас будут в цене и сталь, и уголь, и хлеб — любой труд, а пуще всего ум и образованность, сметливость и трудолюбие, необходимые во всяком деле.**